

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского

<Фрагменты>

В последние годы число работ советских литературоведов, посвященных вопросам жизни и творчества Достоевского, постоянно растет. Углубляется и расширяется и проблематика этих работ. После того как в 60-е годы у нас появился ряд обобщающих фундаментальных исследований, сыгравших в изучении творчества Достоевского в советской науке переломную роль, наметивших для этого изучения новые широкие задачи и раскрывших для него новые перспективы (к числу таких исследований относятся второе, дополненное переиздание книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», биография Достоевского Л. П. Гроссмана, итоговый сборник трудов А. С. Долинина «Последние романы Достоевского», монографии В. Я. Кирпотина, Н. М. Чиркова, В. Б. Шкловского, а также некоторые другие, в том числе книга автора этих строк «Реализм Достоевского»), возникли благоприятные условия для позитивной разработки и общих, и многочисленных частных проблем творчества писателя. В работах 20-х и 30-х годов, посвященных поэтике Достоевского, в том числе в таких ценных трудах, как статьи и книги акад. М. П. Алексеева, акад. В. В. Виноградова, Л. П. Гроссмана, Б. Г. Реизова, А. Г. Цейтлина, творчество Достоевского рассматривалось по преимуществу в его связях, с одной стороны, с творчеством Гоголя и писателей натуральной школы, а с другой стороны — с произведениями современных ему западноевропейских писателей-романтиков и реалистов первого (Бальзак, Гюго, Диккенс, Ж. Санд) или второго (Т. де Квинси, Э. Сю, Ф. Сулье) ряда. В настоящее же время творчество Достоевского все чаще изучается также в системе более широких связей с различными творческими методами, жанрами, художественным опытом и стилевыми исканиями всей предшествующей Достоевскому и позднейшей русской и мировой литературы — от древности до наших дней. В довоенное время исследователи (например, В. Л. Комарович)

при изучении мировоззрения Достоевского были озабочены по преимуществу поисками его ближайших и непосредственных теоретических истоков (французский утопический социализм, славянофильство и т.д.). Сегодня в науке возникла потребность в более многостороннем подходе к вопросу о глубинных национально-народных истоках и основах этого мировоззрения. В 20-е и 30-е годы общественно-политическая позиция Достоевского на раннем этапе его развития сближалась с позицией Герцена, Белинского либо других представителей дворянского и последующего разночинно-демократического этапов русского освободительного движения той эпохи, а на позднейших — рассматривалась главным образом под углом зрения его идейных расхождений и разногласий с ними. Сегодня же <...> возникли необходимые научные предпосылки, позволяющие рассматривать демократизм Достоевского (со всеми присущими ему противоречиями) не как антитезу по отношению к мировоззрению революционеров и социалистов той эпохи, а как качественно особый, специфический тип демократизма, отличный от сознательного политического демократизма участников тогдашнего революционного движения, но в то же время как и последний, отражающего одну из граней процесса пробуждения национально-общественного самосознания мыслящей интеллигенции и народных масс пореформенной России в эпоху, предшествовавшую первой русской революции. Наряду с трудами названных выше исследователей существенную роль в разработке различных аспектов и направлений этого более широкого и универсального понимания специфики художественного гения Достоевского, его национальных истоков и мирового значения сыграли работы акад. Д. С. Лихачева, акад. М. Б. Храпченко, А. В. Чичерина, Т. Л. Мотылевой, Н. И. Пруцкова, В. Е. Ветловской, Б. И. Бурсова, Л. М. Розенблюм, Ф. И. Евнина, Р. Г. Назирова и многих других. <...>

Одной из главных проблем, всю жизнь мучивших Достоевского, была идея синтеза, идея воссоединения народа, общества, человечества, а вместе с тем обретения каждым сознательно мыслящим человеком — внутреннего единства и гармонии. Достоевский мучительно сознавал, что в том мире, в котором он жил, единство это нарушено — и во взаимоотношениях человека с природой, и во взаимоотношениях людей внутри общественного и государственного целого, и в каждом отдельном человеке.

Эти вопросы, занимавшие центральное место в кругу размышлений Достоевского — художника и мыслителя, приобрели особое значение в наши дни. Ибо, с одной стороны, современная научно-техническая революция во много раз по сравнению с прошлыми периодами исторического развития человечества усилила внимание людей к вопросам жизни Вселенной, а с другой — наша эпоха, эпоха зрелого социализма, особенно остро поставила и ежедневно продолжает ставить перед нами

вопрос о путях трансформации всех веками слагавшихся межчеловеческих отношений, создании нового гармонического строя общественных и нравственных отношений и о воспитании полноценного, всесторонне развитого человека, здорового духовно и телесно.

Не случайно одно из наиболее выдающихся произведений советской литературы последнего двадцатипятилетия — роман Л. Леонова «Русский лес» — генетически, в своих истоках, связан, при всей актуальности своей социально-исторической и нравственной проблематики, с тревожными размышлениями Достоевского о судьбе русского леса в «Дневнике писателя». А сегодняшние проблемы освоения космоса не раз побуждали писателей и ученых нашего времени вспоминать о беседе Ивана Карамазова с чертом, где в иронически-скептической форме затрагивается вопрос о возможности возникновения искусственного «спутника» земли. <...>

Что все люди составляют единое целое, членом которого всегда остается, сознает ли он это или не сознает, каждый отдельный человек, а потому ни одно движение души, ни одна мысль и ни один поступок его не принадлежат ему одному: связанный с человечеством «круговой порукой», он должен нести за свои мысли и поступки ответственность перед ним, — выражает эпитафия, предпосланный Одоевским рассказу «Живой мертвец». <...> При этом заслуживает особого внимания то обстоятельство, что выраженный Одоевским в эпитафии к его рассказу социально-гуманистический принцип межчеловеческой «солидарности» (именно так определяет этот принцип сам Одоевский) Достоевский в последнем своем романе сделал тем краеугольным камнем, на котором основываются записанные Алексеем Карамазовым беседы и поучения старца Зосимы. Таким образом, в беседах и поучениях Зосимы налицо элементы не только «восточного» православия, но и «западного» гуманизма, в них ощутима связь с теми духовными исканиями предшествующих XIX веку эпох, которые отлились в традиционную для них религиозную форму, а также и с современными Достоевскому социально-критическими и социально-утопическими настроениями. Воспользовавшись в качестве жанрового и стилистического образца для бесед и поучений Зосимы произведениями древнерусского и позднейшего духовного ораторского красноречия, Достоевский, о чем свидетельствует сопоставление основного зерна философских рассуждений Зосимы с рассказом Одоевского, сложным образом синтезировал в этих рассуждениях переосмысленные в гуманистическом духе религиозные заветы прошлых веков с социальными и философскими идеалами XIX века.

Творения Достоевского — огромный культурно-исторический синтез не только в том смысле, что создатель их поставил перед собой задачу

«перерыть» в них все вопросы исторического прошлого, настоящего и будущего России и человечества, но и в том, что они представляют собой единственный в своем роде, предельно емкий, энциклопедический по охвату материала синтез разнообразных общественно-литературных и культурно-исторических традиций.

Поэтому в процессе дальнейшего изучения Достоевского исторически закономерно его биография и произведения будут выступать перед нами всякий раз в новых исторических связях и опосредованиях. При этом важно одно: чтобы эти связи и опосредования не искажали лик Достоевского, не уводили нас в сторону от верного понимания социально-исторического и философского смысла его произведений и их значения для нашей современности (как это — увы! — слишком часто случается в работах реакционно и идеалистически настроенных зарубежных исследователей, подходящих к Достоевскому предвзято и тенденциозно), а способствовали их верному, глубокому раскрытию и постижению, ибо всякое искажение и фальсификация идейно-художественного наследия Достоевского глубоко враждебны духу марксизма и социалистической культуры. <...>

Мощное стремление к синтезу, к объединению исторически раздробленного и разъединенного, протест против всяческого «уединения» и «обособления» людей — такова одна из сторон мировоззрения Достоевского, близкая нашей эпохе. Но Достоевский не только особенно остро и болезненно переживал то трагическое разъединение людей и народов, которое порождает буржуазная цивилизация. Его творчество отличал глубокий историзм, принципиально отличавший Достоевского — художника и мыслителя от писателей-просветителей XVIII и романтиков начала XIX века.

Еще в молодые годы из учений Сен-Симона, Фурье и последующих представителей социалистической мысли 30–40-х годов Достоевский усвоил представление о том, что «золотой век» не прошлое, но будущее человечества. Какими бы радужными красками писатели классической древности или позднейшие поэты-идиллики не пользовались, изображая доисторическое, патриархальное состояние общества, все же возврат человечества к нему невозможен. Патриархальное состояние само таило в себе семена своего будущего разложения, и путь человечества от него к эпохе цивилизации, ввергшей человечество в пучину социальных противоречий, душевной раздвоенности, глубочайших моральных и религиозных сомнений, был исторически закономерен и неизбежен.

Поэтому даже в 60-е и 70-е годы, когда Достоевский испытал в своем мировоззрении воздействие социальной утопии славянофилов, он никогда не мог принять свойственной им идеализации допетровской Руси. <...>

Вот почему не случайным, а исторически закономерным для Достоевского-художника было то, что, страстно ища путей к будущей «гармонии», он главными героями своих романов постоянно делал не «создателей», а «бунтарей» и «разрушителей», подобных Раскольникову или Ивану Карамазову. Ибо Достоевский был убежден, что сомнение и отрицание являются не только разрушительной, но и великой созидательной исторической силой. Без движения вперед, а следовательно, без «горнила сомнений» история человечества навсегда остановилась бы, и оно оказалось бы осужденным на мертвое прозябание, спячку, унылое повторение пройденного.

Достоевский мечтал о грядущей «гармонии», но эта «гармония» представлялась ему не в виде некоей, раз навсегда данной блаженной идиллии, а в виде жизни, обретшей наивысшие полноту и всесторонность развития, жизни, насыщенной духовным и физическим напряжением, движением и бурей.

Однако как проложить исторические пути, ведущие к достижению человечеством искомого нового состояния «гармонии», одинаково далеко отстоящей и от блаженной «невинности», «незнания» людей первобытных, патриархальных времен, людей «века Авраама и стад его», и от мучительных противоречий эпохи «цивилизации» с неотделимыми от нее, по Достоевскому, властью меньшинства над большинством, социально-историческими противоречиями и антагонизмами? Именно этот вопрос постоянно занимал Достоевского на всем протяжении его творческого пути.

Эпоха Достоевского не давала ему реального ответа на этот вопрос. Отсюда — основное противоречие творчества писателя.

Мечтой Достоевского, как мы старались показать выше, было объединение всех положительных, ценных элементов, накопленных исторической жизнью России и человечества, в едином, высшем синтезе. Но когда он обращался к вопросу о путях возможного достижения Россией и человечеством искомого синтеза, он, не осознавая этого, постоянно подменял мечту о *синтезе* исторически разъединенных и разобщенных в условиях дворянско-буржуазной цивилизации начал призывом не к синтезу, а к «*примирению*» тех готовых исторических форм, которые начала эти приобрели в условиях той же дворянско-буржуазной цивилизации, наложивших на них печать свойственной ей исторической ограниченности.

Отсюда ложный, утопический призыв Достоевского к «примирению» того, что на деле, в реальной истории было несоединимо и непримиримо — господствующих классов и народа, самодержавия и людей в «серых зипунах», возвышенных этических идеалов гуманизма и казенного догматического учения церкви. Как трезвый наблюдатель действитель-

ности, глубокий мыслитель и аналитик Достоевский постоянно сам ощущал невозможность проповедовавшегося им «примирения», рост и углубление социально-исторических и культурно-психологических противоречий русской и западноевропейской общественной жизни своей эпохи. И вместе с тем чем мучительнее и болезненнее Достоевский ощущал рост этих исторических противоречий, тем более страстно он, мечтая о «мировой гармонии», настойчиво, убежденно призывал к «примирению» антагонистических классов, противоположных социальных групп и идеологических направлений, как к единственно возможному, по его представлениям, пути к осуществлению и утверждению будущего единства и братства людей.

В действительности, чтобы мечта Достоевского о победе созидательных начал истории над разрушительными, о грядущем братстве народов и воссоединении всего того, что в его эпоху было разъединено и раздроблено, стала исторической реальностью, нужно было не «примирение» славянофилов и западников, не единение самодержавия и представителей народных низов, одетых в «серые зипуны», и духовное возвращение русской интеллигенции к родной «почве», — то, к чему Достоевский призывал в речи о Пушкине и в последнем, январском, номере «Дневника писателя» за 1881 год. Для этого нужна была Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества. <...>

Эти мечты Достоевского не могли получить реального осуществления при его жизни. Ибо для того чтобы «всемирная отзывчивость» русской культуры, о которой столь вдохновенно писал Достоевский, получила возможность полного и свободного проявления, нужно было создание нового, советского социалистического государства. Только эпоха социализма создала предпосылки для достижения подлинного братства людей и народов, для сближения и мирного сотрудничества всех стран и культурных регионов нашей планеты. В этих условиях не только перед каждым человеком нашей страны и других стран социалистического содружества, но и перед любым человеком доброй воли, в какой бы стране он ни жил, открыт широкий путь к участию в действенной, практической, каждодневной борьбе против сил, разъединяющих человечество и грозящих ему опасностью самоуничтожения, борьбе за тот высший творческий синтез общечеловеческих культурных ценностей, к которому призывал в своем творчестве и в своей Пушкинской речи великий русский писатель.

